

Клим НЕМОВ

ЭЛЕМЕНТЫ

Полонез

Когда отряд вошел в город, все поляки куда-то попрятались
Все было естественным и опасным; ивы и яблони бомбардировали
землю тяжелыми ржавыми листьями
Сполохи накрывали пехотинцев с головой, только штыки блестящи-
ми поплавками колебались над ними
Ракетные конусы тополей протыкали небо, рябины взрывались, как
торжественный и печальный салют
Кони брели в палой листве по грудь, нюхая атмосферные газы, и воз-
бужденно чихали
Кавалеристы склонялись, поглаживали их головы, озирались — такая
стояла пустота
Отогнув шторки пальчиком, полячки наставляли на них дула насто-
роженных глаз
Какой-то усталый Костюшко вышел на середину площади, подняв
руки; морщины его шевелились и вздрагивали
Отряд не обратил на него внимания, проходя мимо замершего, сжав-
шегося костела
Только шорох листьев, только цокот копыт и всхрапы: Третий раздел
Чтобы как-то придать уверенность всей этой гулкости, есаул махнул
перчаткой
Запевала неуверенно повел: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же
ваше жало?»

Папа уронил в маму звездочку, она успела загадать желание, которое
сбылось, — и на свет появился мальчик.

Бабушка прежде всего положила его на шубу, и мальчик навсегда стал неосознанно предпочитать женщин чуть более волосатых, чем это принято.

В школе били часто, но несильно, к тому же скоро началась химия, где мальчик научился, как отомстить.

С первого раза поступил правильно: факультет хладнокровных наук, любая кафедра.

Очень уместно и стопроцентно умерла бабушка, как раз подсуетившись с квартирой, — за это мальчик помнил ее особенно.

Мальчик переехал вместо нее и стал валяться на диване, на шубе, той самой, гладкошерстной и прохладной.

Заводил рыбок — от сверхдоз амилацетата те меняли цвет, по ночам поблескивали ядовито-желтым.

Наконец, издавали единственный в жизни крик и всплывали.

Сомики мычали, цихлиды как-то крякали, а любимчик-лялиус вытерпел: потерял всю чешую и голый прятался в углу, дрожа и покашливая.

На лекциях отсыпался, тем более что все самое главное происходило после, иногда на дачах.

Там ночами смотрел на небо и от следовых количеств апоморфина терялся в этой бездне.

Думал, что эти звезды и та, что папа некогда запустил в маму — одно и то же.

Вернулся радостно возбужденный, с новыми банками. Для рыб это был неудачный день, да и гороскоп говорил о том же.

Пирокатехин и гидрохинон сотворили с ними чудо.

Скалярию тошнило прямо в аквариум, любимец-лялиус перевозбудился и выбросил в раствор молоку, всю сверкавшую, как Млечный Путь.

Мальчик лежал на шубе, любуясь на них и думая, что любое искусство суть наведенная галлюцинация, обман органов, — как нейротоксический яд.

Это знают бабушки, рыбы, девы, львы и другие создания, общим числом более двенадцати.

У скамейки беззвучно кричат, ругаясь, глухонемые
Это ссорятся сенсорный гомункулус и моторный гомункулус —

Это мы с тобой

Поначалу ожидалось нечто другое, нечто шумное: привратники все понимают превратно

Но все состоялось и оказалось скучнее, чем ты надеялась,

Зато терпимей, чем опасался я

Все уже было, и все смертельно ясно, осталось принять это без ропота – так, обещают, лучше

И замолчать навсегда, закрыв створки и рты:

Лишь Дао, выраженное глазами, есть подлинное Дао

На дверях написано: «К себе», на платформе указано: «От Москвы»

Мы ждали этих знаков много лет,

А они были с нами всегда

(Пыхтелки, кряхтелки, сопелки сочиняю я неплохо иногда!)

Азбучное

Мама ела мыло – нервическая реакция: я задыхаюсь!

Папа звал это блажью, нам же было не до нее:

Она подымалась первой и в темноте лепила бутерброды, спросонья дрожа.

В школе до позднего рассвета желтым и белым горели лампы,

Всю зиму мы разглядывали Землю в разрезе.

Мама смотрела в стену и жевала пыльную тряпку: мне все пресно!

Папа был ангел и в тот период читал Юма.

Он академически точен в определениях: именно что женская блажь, нервическая реакция.

Мама колола ножом ладонь и пускала пучки крови под воду: жизнь выходит из меня!

По-коровьи мычала труба – мама мыла раны,

Наскоро, пока мы не выходили к ужину.

Когда на ближнем откосе сам собою забьет блевотный источник, жители совхоза «Приметы октября» истолкуют его знаком близкого

конца времен. А впрочем, тут всё понимают именно в таком каком-нибудь смысле. Разве в райцентре публика поспособнее, могут и по-свежее что-нибудь выдумать: через неделю пришлют спецкомиссию с бюварами; вкатив на откос, та вылезет из «буханки», поднесенное выпьет и пригорюнится, приглядываясь. Голое поле будет безотрадно и уныло, по заморозкам черную землю изукрасит иней, и над теплой ключевой блевотиной завьется легкий дымок, аура, биополе, запах... Почуяв в нем нечто родное и древнее, бабы застыдятся и прикроют платочками ноздри, мужики хамовато прокашляются.

Теперь комиссию на прииски, отдавать Родине свой беззаветный труп, а сами пошагают через выселки, где копается в земле престарый дед, древний младенец нерожденной матери, еще когда оказавшийся в этих местах. Среди совхозников он почитается почти так же высоко, как дух первого председателя, колченогого, чью фамилию и проносят-то с оглядкой, не на ночь. Вот тогда он и научит баб, как заломать березу, а мужиков – сказать последнее слово. И бабы заноят, а мужики удалятся в распадок, перекрикиваясь: Аауум?.. – и эхо отвечает чуть глубже: Аауумм!.. Аауумм!..

Пушгоры

Все проходит, кроме осени

Стекло небосклона изгибается толстой линзой, стягивая землю в длинные холмистые складки

Облепив горизонт, застывают холодные облака, ссыпаются листья – и вот уже завозились бормочущей почвенной жизнью

Расталкивая младшекласников мельхиоровой грудью, выступает завуч:

- Это кто здесь орет?!

А мы вовсе не орем, просто Саня-Калмык все врет, будто по вечерам работает барменом

- Великий поэт! – перекрикивает гомон экскурсоводша. – Высоко ценил местную природу!

- Их только двадцать, — озабоченно переглянулась завуч. – Где еще один?

Наташку нашли под вечер, по горло погрузившуюся в землю

Очки испачкались, на лице восторг и ужас: – От меня чего ты хочешь? – улыбаясь, набирала она горстью листья и червей. – Ты зовёшь или пророчишь?

Всем классом навалились, вытянули, оборвав бледные прелые корешки

И снова битый хромоногий автобус, припадающий на правое переднее колесо

Наташку отваживали купленной на станции морошкой – она гримасничала

Высадились уже возле дома, на ветру тревожно перебегают тени веток

Сладко пахнет опасностью, так что даже испугался, но сразу не испугался

Мокрые автомобили в сумерках были живыми и ядовитыми

Девятиэтажный дом переливается напротив, влажно помаргивая

Фиолетовым подсвечивает кухня: все уже дома

И я, и я тоже

Бабушки ложатся в гробы, оставляя квартиры, порой в пределах Садового кольца – за то их помнят особенно.

Если это неправда, то я Марк Аврелий Проб, «солдатский» император, с ненавистью обзираю липкую придворную толпу, особенно проконсула Ексенция с супругой.

Идеальная пара: у него на лбу написано «мудозвон», у нее – «курва», Притом, похоже, счастлива, как и все шесть колен ее насекомого рода.

Если это не угодный богам союз, то я – жестокое лицо Вахтанга Кикабидзе, которое маячит над очередью в кинотеатр.

Таких его взглядов не выдержал, задрожал, сблевал, расплакался, на улицу выбежал, скрылся в кабине биотуалета.

Здесь на пластиковой стенке говном начертано: «Revenge!»

Если это не последнее предупреждение, то я болезненный зародыш категории «ничто», таящийся в каждом объекте-«ничто».

Это так, ведь я – третий глаз Люцифера: стеклянный, оловянный... стало быть, деревянный.

Шансон

Злая собака, злой хозяин, хозяйка стерва
Сын из армии вернулся злой, как топор, ходит по дому в трусах и бете
Выпьет – вообще сладу нет: раз стулья в окно покидал, еле справились
Сноха сука, нельзя так парня доводить, ноет и ноет
Свояченица вообще проститутка, денег в долг наберет и не отдает
Тайком ебется с шурином – ремонт, типа, надо помочь
Знаем мы такой ремонт: чтоб не текло, тьфу
Под дверью деверь притаится и слушает, а сам хоть раз бы посуду за собой помыл
Машину уже который год починить нормально не может
Рыбы за стеклом живут от кормежки до кормежки и замирают в ужасе, когда —
Кот глядит на них пустыми глазами и облизывает жесткие усы

Спам

Привет! Как дела? Предлагаю качественные рассылки и базы данных
Снимаю проблемы — тем более, у вас это возрастное
Вопрос смысла жизни решается в отрицательном смысле
Да к чему бы и смысл, когда есть страх смерти?
И красота, конечно: «все есть вода», как вы можете узнать на нашем сайте, — «и все полно богов»;
Пожалуй, еще накапливается раздражение, множатся нелепости...
Не верите? Закажите у Антипавла — «С иудеями еллин, с еллинами иудей» (иудеальный подарок руководителю)
Именно он доказал, что вначале была математика, размножившая Первоначало до нашениских начал
Лишь затем родились все эти животные с телом тигра, глазами змеи и хвостом женщины,
А много позже Председатель правительства Маленков напечатал свой главный труд —
«Жизнь противостоит гравитации» —
Эта книга, несомненно, изменит вашу судьбу
Уже в который раз

ЗЫЖ Проснулся ночью в ужасе: приснилось, будто еще не все права защищены

Христос воскрес!

В Пасхальную ночь пошли с пацанами на озеро кутят топить. Рассыпалась тьма, небо было звездно и привольно, и все подрагивали под ним от холодка и от нервической радости. Илья совсем разошелся и, высыпав ведро кутят в воду, стал обвинять апостолов в неверии; это понятно: он ценит Марка, как и все подлинное.

Было очень темно и по-лесному шумно. Неведомые звонкие птицы издавали голос из среды ветвей, и деревья насыщались влагой. По словам Ильи выходило, что ни один из учеников не отринул идентификацию с тем или сем, и понимал Иисуса только нравственно, религиозно, так или сяк, а значит – имманентно.

Пока остальные отталкивали барахтавшихся щенков от берега палками, Илья повторял, заламывая руки: «Не ведают, что есть слава. Не ведают, что есть сила»! Добрыня спорил, обращался к таинственному источнику Q, который остается от Матфея и Луки, если вычесть из них Марка. Он говорил, что при всем том каждый оказывается прав: Иисус есть и то, и то.

Алеше же их синоптические проблемы без разницы: он читал Иоанна и, наблюдая, как последний кутенок устал и задремал где-то в темных водах, решил, что каждому дается пища в свое время. В двух шагах от них, склонив дремучую башку к озеру, лось бережно зажмурил глаза и жадно целовал свое отражение.

Коаны

Вещи умножились, но истожились,
Все и вправду оказалось связано, но очень по-другому,
Симпатическая магия становится несимпатичной.

Девочек рождается больше, но война все равно будет,
Она, в общем-то, уже идет, и назавтра погибоше, аки обре.
Они и сами это понимают, и выбирают — время чуме, час потехе.

Им, впрочем, хошь водка, хошь пулемет, лишь бы с ног валило,
Выходя на бой, заранее простреливают себе сердце,
И из окопа поднимаются спокойные, как снегопад.
Тертые калачи, дважды войдут в одну реку, да еще и утонут в ней, -
Таких и вправду ничем не проймешь, им и Voron Glass не выключет.

Выход один: в следующей жизни родиться англичанином -
Золотым даже не миллиардом, могучей кучкой,
Вершиной доступной эрудиции, с уместным оттенком иронии.

Но только внезапный символ вдруг ошарашит:
Светлоглазый человек падает в колодец,
Пустынная долина непредвзята.

Человек умелый подходит к Человеку разумному и с вызовом спрашивает: «А что ты _умеешь_?» — за это вполне достойно будет плюнуть тому в харю.

Рыночное «Ты свободен! Наслаждайся и хватай, бери с избытком!» — следует читать как «Делай, что велено»: наслаждение становится всеобщим приказом, отсутствие Закона делает Запрет всеобъемлющим — вплоть до «гримас толерантности». И подлинная свобода, состоящая, в том числе, и в возможности отказаться от наслаждения, испаряется. Воцаряется усугубленный неврозом нигилизм, диктат изнуряющего потребления, тем более жестокий, что надсмотрщики, присматривающие за исполнением его велений, не отделены от самого приговоренного. Это самая узкая из клеток, ведь прутья ее — ребра самого узника.

Какой из этого вывод? Если Бога нет, то все запрещено.

Альтернативный выход, казалось бы, состоит в разумном и дисциплинированном преодолении — но для этого потребуются преодолеть и само практическое мышление. Будучи способным решать конкретные задачи, оно не может подняться выше и перейти на уровень мышления «философического», которое способно на финт поинтереснее: задачи переопределять. Вот, скажем, фрейдисты утверждают, что вся-

кое действие есть метафора сексуальной активности и что в любом случае мы думаем только о соитии.

Но метафорой чего является соитие — и о чем мы думаем во время секса?

Не страх ли смерти проступает так явственно при оргазме — 'petite mort'? Не он ли просвечивает сквозь вены наркомана, который ставится всем, что поставят, и движется всем, что движется? Но всякий смертный, в подсознательном ужасе от конечности собственного существования стремящийся к бессмертию, ошибается. Подлинный кошмар — это бессмертие.

С этой мыслью, удержанной в уме, все становится легким.

Ведь это только кажется, будто единственный путь сквозь зеркало — самому стать отражением. И Морфеус, конечно, просто не догоняет: теперь мы понимаем, что должна быть где-то еще и третья таблетка.

Белая.

Март

Жили в лесу, молились колесу, смех и слезы отдавали дешевле грибов,

В черный день перемоглись, да на красный спились -

Разухарились, раскровянились, но нашелся мелкий ссыкун -

Дескать, врач, магистр йода, веду род еще от самого Каина.

Как раз его потомки основали город, а потомки Иафета в него понаехали:

Жулье приучилось сдавать им жильё -

Мы между ними выделялись глазами красными, как у апостола Петра,

А больше никого не осталось.

И в вечной битве на нашей стороне только дедово наследство, -

Всякие ШКАСы и ШВАГи, — и героически погибшая в марте партизанка Ида Лауда.

Блюз

Прислонившийся к двери с мерцающей надписью «Не прислоняться»
Поношение у людей, презрение в народе, а на шее наушники
Царь царей, несравненный во всех родах, то есть нет, то есть да
Бредущий по чужим местам, всюду выпрашивая дорогу домой
Готовый задохнуться от радостного ужаса, трепещущий
Смертельный, несносный, бестрепетный, ветхозаветный
Высочайший, душа мира, причина всех вещей
То есть ты, то есть ты, то есть ты

В такие дни – курить под козырьком подъездов трясущихся от немощи домов, и замечать мельком, как на двери трепещет объявление: «Лечение лазарем», – пока тюремщик, судья и палач двумя этажами выше, держа ладони над газом, пытаются согнать онемение с пальцев, покуда ледяной гипер борей хрустит костями стылых батарей, за полуприкрытыми веками увидеть восстающие песочные минареты Бухары: вот престарелый падишах, персты в перстнях, в зените славы и богатства, следует базаром, и ароматы специй расступаются пред ним, замолкают дудки заклинателей – следует придворный маг-алхимик, визирь, знаток астрологии, ароматов, и в дипломатии искусен. Падишах выступает в окружении свирепой стражи, на драгоценном коне, за которого не жалко и жизни отдать, а во дворце свое-нравная наложница шестнадцати лет изводит евнухов капризами. Томится падишах, визирь изнемогает: сорок лет беспорочной службы шайтану под хвост, ты его в бороду, он тебе в ребро, хитрит визирь за спиною у владыки, прямого Пророка – да благословит его Аллах – потомка, но благосклонность баловницы переменчива, как погода в октябре: над властью и богатством одного, над мудростью и знанием второго – смеется кокетка шестнадцати лет, смеется над золотой, роскошной осенью их жизни, с ажурной и ничтожной башни своей красоты, со стен весенней и бессмысленной молодости своей, им более – никогда – недосыгаемой, смеется. Чернеют визирь и падишах, ликом тяжелеют и набухают, опадают на мокрый песок детской площадки, их вдавливают хрустальной подковой своей серой кобылы октябрь, рыцарь боязливый, но безупречный.

Камаринская

Хромые лабазы карабкаются в горку, дальше склон заваливается к речке

Там на льду посадские слободских метелят

Среди тех и других затесались пришлые поляки и пучулы

Микрополит их разнять и не пробует, он с трудом подпирает воеводу: тот квасом налился так, что накренился

Хоть сам и немец, не говорит ни бум-бум, только по утрам зимой на воду воет, у проруби

А сверху на всех солнце сыплется широко, но мелко: много света — и холодно до треска

Ниже вороны-еврейки плавают, загребая воздух судорожными саженьками

Ну а мы с Костяном нестяжатели, лоботрясы, проездом до Сарова, стоим себе, ссым под сосулькой

И мобильников у нас нет, не взыщите, а хотите — общите

...Разбежались: вышел князь, с ним ОМОН: ну-тко, граждане, камон!

Посмотрел на нас с Костяном острым глазком

Посмотрели мы с Костяном на него острым глазком — и все понятно

Как говорится, «Вот чего нельзя с иностранцем»!

- Это не простые магические сливы, – с ходу попытался огорошить принцессу. – это целый комплекс полноценности, который исцеляет даже и застарелую форму торгового комплекса.

- Не смешно! – топнула та ногой. – А вот и не смешно вовсе!

- В каждой из них, – раскланиваясь. – есть капля никотина. Ваше высочество сможет убить в себе лошадь, если, конечно, жаба не задушит Вас прежде.

- Сударь! – оборвала принцесса. – Если Вы сию минуту не придумаете что-нибудь новенькое, вы закончите свою карьеру на карьере. Или, – она задумалась слегка, к щеке приставив тонкий пальчик. – на галере.

- Давайте проведем деприватизацию, — ляпнул.

- А вот это действительно смешно, — расхохоталась царевна, всплеснув руками.

Дедку на бабу, кошку на рею, жучку прищучить дверным косяком, внучку отдубасить репкой – нарушить соотношение действительного и мифического, насилия и невинности и прийти, таким образом, к абсолютной власти на земле и на воде; в воздухе, в огне и эфире установить марионеточные диктатуры.

Старым нациям не позволить догнивать в сладостной неге сексуальных извращений; в ультимативной форме поставить требование через год полностью перейти в разряд астральных существ; не сумевших пускаться на шаурму для пассионариев.

Пассионариев же изнурить проектами бессмысленными и циклопическими, вроде получения источника энергии возведением гигантской термопары: один электрод погружен в арктическую снежную шапку, другой жарится в песках Малой Азии.

Или, предугадывая всеобщий экологический коллапс, начать масштабную заготовку воздуха, пока еще животворного: поглощать колоссальными пылесосами и до лучших времен сжижать в цистернах столь гигантских, что в каждую войдет целый строй шагающих экскаваторов.

Столицей будет, конечно, Москва – ее снести под корень, насадить лесов повсюду, поляны расчистить для солнца, оставить только переулки Замоскворечья, высотку на Воробьевых горах, фрагменты Кремля и в каком-то смысле метрополитен.

В пустом и гулком Георгиевском зале, под осыпающимися от неужоженности богатыми сводами, под развевающимися на сквозняке открытых окон грязно-белыми шторами, ямбом диктовать обнаженной секретарше декреты, один поразительней другого.

С трудом продираясь в гашишном чаду, по колено погружаясь в рассыпанные повсюду разноцветные таблетки и ампулы кетамина, в сильные кучерявые псилоцибы и сушеный пейот, сторчатся, мрачно и дико зарастая неровным волосом.

Привести планету в исходное состояние.

У часов не arrows, a hands, алчные пальцы которых каждое мгновение выдирают из тончайшего внутреннего сплетения по яркой бисеринке, и узор их все более loose, так что уж не знаю, чей там лирический герой способен целую вечность усидеть в Михайловском саду, мой вот

с отчаянной скоростью стареет, с каждым годом, с каждой неделей, с каждой минуточкой глаза все ниже загибаются печальными скобками, дряблым двухдневным воздушным шариком опадает кожа на руках, и каждую секунду груди любимой, сладчайшие виноградные гроздья, все мучительней морщатся, словно прогорклый изюм, а вокруг все дымится и ярится – кебабы, чебуреки, хачапури, – вокруг все те же, будто и не ведающие увядания, по-пьяному наглые подмышки, наискось сплевывающие сквозь оба уха, а испражнения все зловонней, сперма все жиже, выцветают радужки и все меньше удивления, и каждый день дышать уже неоднократно срыгнутым кем-то воздухом, и эти рожи, рожи, коленки, и ежедневные столкновения с боками, с жестокими локтями, с плоскими стопами, жопами, ноги неверно трясутся, знак бесконечности схлопывается в голый ноль, и вот один, в пустой квартире, валится навзничь, пронзенный в уставшее за столько-то лет охать сердце, растягивается между пыльным телевизором и рябым унитазом, который опять забыл то ли поленился смыть, и слетаются озверевшие призраки, нависают обильные гроздья сладчайшего винограда, вертятся бесстыже молодые лица, свои, родные, битый час всё краснеют и стареют младенцы, пока медленно не погасают вблизи, но Господь воскрес и нам велел, и вот подымается, снова принужден тереться между пьяных подбородков, рожи, ботинки, но нет же, кряхтя, переваливается через подоконник и окончательно выпадает в бездну, на самом дне которой деревья Битцевского парка понимающе рвут его в клочки своими старческими ветвями.

Раб легких, раб кожи, раб губы, и это только начало.

Склонившись над раковиной, Федор внимательно оглядывал мокроту, нету ли крови.

Глянув в глаза своему отражению, нахмурился всем задом, строго произнес: «Я никого не ем».

Приблизив напряженное лицо к зеркалу, Федор резко бросился вперед, метя вцепиться зубами в горло.

Отражение дернулось, отстранилось, закрывая руками шею, из которой толчками выплескивалась темная венозная кровь.

Простейшее – в прошлом, но по большому счету, ты все еще стегозавр.

Его мама не любила – вышел мерзкий извращенец: прятал видеокамеру в сумочку, спотыкался в супермаркет, ставил на пол и, ногой подвигая, снимал все, что там у женщин под юбкой бывает. Был своевременно замечен камерой наблюдения, как показал просмотр записи, сделанной камерой слежения за камерой наблюдения. Это подтверждено и установленной правоохранительными органами системой прослушивания, что удостоверяют также материалы оперативной съемки, произведенной внутренними органами в рамках контроля за деятельностью милиции. Фиксирующий факт прослушки компромат на видеокассете был передан не назвавшимся лицом представителям одной крупной телекомпании, которая проверила материал по своим каналам. Через несколько часов готовившие материал корреспондент и редактор были расстреляны в «Жигулях» на улице Свободы, где корреспондент на скорую руку делала минет редактору. Виновные скрылись, камеры наблюдения немотствуют. Свидетели сообщают о странных атмосферных явлениях и целом войске кикимор, двигавшемся от реки к Рязанскому шоссе. Властями столицы введен план «Ураган – 666», который результатов не дал, однако в ходе поисков на территории СВАО бесследно исчез наряд милиции. Уже на следующий день интенсивные поиски помогли обнаружить форменные брюки, по всей видимости, принадлежавшие одному из пропавших милиционеров. На место прибыли кинологи. Обнюхав находку, служебная собака по кличке Янус рассмеялась министру в лицо. Специалисты службы собственной безопасности возбудили сотни уголовных дел по нескольким тысячам статей. Министр обратился в камень. Переодетые шахидками дежурные по станциям провели акцию возмездия. В своем экстренном обращении к народу президент Российской Федерации публично отрезал себе х... Камеры слежения предсказывают зной, что по меньшей мере странно в феврале. Камеры анализа пожимают плечами и обвисают под неморгающим взглядом камер стыда. Так или иначе, человек, похожий на человека, зафиксирован на пленку, и в настоящее время правительственные эксперты в присутствии наблюдателей из ООН и ОБСЕ проводят анализ кадров на подлинность. Заклинаю вас, оставайтесь с нами.

Coda

Весь в синяках, с пальцами, сожженными от частого контакта с едкими химикатами, Господь терпелив бесконечно, говоря нашими словами.

Вот, вытянув из бутылки долю спирта в кулак размером и натянув большие, по самые яйца, резиновые сапоги, ладонями крепкими и теплыми, будто деревянные, Он обхватывает черенок лопаты и спускается в наполненную гашеной известью яму.

Лицо Его все изгваздано в какой-то дряни, одежда липнет к телу, но дыхание свободно и ровно; Господь спокоен, если это слово подходит.

Движениями размеренными и щедрыми Он мерно погружает лопату глубоко в белую известковую кашу и, сильно подав, отнимает у нее ком за комом, расшвыривая в стороны, не слишком аккуратно расплескивает, капает и брызжет.

Хотя воздух неподвижен, лицо Его обветрено, волосы выгорели глубоко, а темная кожа задубела, выделяя расположение костей; Господь худ, если таким словом можно описать Его.

Сердито хлюпает известь вокруг Его ног, а далее раскатывается голая желтая пустошь, твердыми гранями тарелки упирающаяся в выцветшую голубизну небес, которая ровным заботливым куполом укрывает землю – о том, что за его пределами, Он не знает и не думает.

Светило навеки прилипло к зениту и работа не закончится никогда, как никогда не начиналась, но Господь радуется ей, если стоит говорить об этом в словах.

ОКОПНАЯ ВОЙНА

Давайте вспомним: вот каска, сумка, штык, противогаз, вот жирной линией — Западный фронт; окопная война, а вот и солдаты киснут в земле; дождь не замирает десятый день, с обеих сторон уж и не стреляют, не поднимаются — сил нет, сжались по колено в грязи и только устало отбиваются от крыс, и только артиллерия откуда-то издалека вдруг проколотит кусок земли, и каждый раз внезапно — правда, крысы предчувствуют эти удары каким-то крысиным чутьем, и «неустанный рев машины, кующей гибель день и ночь»: середина холодного лета, и через несколько дней начнется битва при Сомме — погибнет ровно миллион — но пока никто не знает, и все сжалось в окопах, все вгрызается в землю и бьется с армиями крыс, и в штабах пока еще мусолят промокшие карты, и вот некий тактический гений на стороне Антанты предлагает план: копать, подлезть под позиции неприятеля и, как заразу в рану, внести туда динамит, пробив брешь в обороне. Но ровно то же — и это действительный случай — решает и какой-то тактик из немцев —

— И вот две саперные команды по разные стороны холма, покрытого редким перелеском: лопатки, кирки, мотыги, мешковина, все мокрое — долбят грунт, выкатывают наружу груженные тачки, сваливают осклизлую землю; вот под холмом, под редким перелеском уж целый лабиринт, нелепый термитник — все глубже и дальше, все темнее и все опаснее: вот на ободранном бревне-опоре подвешена керосиновая лампа... и вот они встречаются: от удара киркой обваливается сразу слой земли, и за ней открывается внезапно вторая — почти зеркальная — часть лабиринта, и у входа стоит такой же ошалевший солдат, только форма другая. Вражеская. Несколько мгновений оба смотрят друг на друга, опешив, пока один не выходит из ступора и со всего маху — киркой — бьет противника —

— На его крик выбегают, кто-то бросает гранату — завал, мертвецы, пока все затихло, но уже копают в обход, поминутно прислушиваясь, нету ли шороха с противоположной стороны, хотя и те соображают: в самых опасных местах закладывают заряды, забегают на нашу сторону и тихо, лопатой, проламывают головы то одному, то другому, а мы подбрасываем им крыс, один раз пустили даже хлору, но вышло не очень, баш на баш, зато капрал Ш. оказался незаменим: в темноте ви-

дит, как кошка, и выносит из-под земли сразу по десятку срезанных чьих-то ушей — да, он немного озверел: нанизывает эти уши на нитку и на них приманивает крыс, пока и сам не пропал куда-то, и только через неделю его голову нашел кто-то, всю объединенную, в одном из подземных коридоров; опознали только по — впрочем, лучше не буду. Так понемногу пришел сентябрь, на поле выкатились первые танки.

Йети

Еще никем не составлена достойная история Гражданской войны в России. Это и неудивительно: немудрено описать последовательную судьбу. Хотя бы так — Александр умер, Александра похоронили, Александр стал прахом. Здесь же все происходило и одновременно, и неупорядоченно: вдруг посреди пустой степи самозарождается фронт — назавтра он проест все, что найдет, и околет, выбросив споры винтовок. Из вагона ссыпаются красноармейцы, занимают обледевшие пулеметные гнезда — кончилось безвластье. Поднялась пурга. В Кронштадте анархисты смотрят, как Троцкий стягивает ладонью иней с жесткой бороды. У днепровского моста дерутся беженцы, а на хозяйственном дворе Кремля одиноко стоит бочка, в которой сожгли труп Фанни Каплан: снег набился в нее плотным комом. Не доезжая до Сокольников, бандиты останавливают Ленина и ссаживают с роскошного автомобиля, хорошо еще наганом не подвинули. В тот же день в Чите атаман Семенов выходит на площадь, обстукивая сапоги от поземки, казаки суеверно жмутся к Транссибу: вокруг шастают повстанцы совсем уж жуткие. Эсеры стреляют эсдеков, азербайджанцы персов вешают, армян режут и те, и другие; «кадюки» бредут под административный расстрел, их раздевают на ходу. Из темноты латыши мерцают красными глазами. И тут же — Юденич, разругавшись с английским представителем, посылает на двух самолетах в Комуч и к Врангелю, их сбивают над Украиной. Кобмед с Помголом заседают вместе — и одновременно в Новой Ельне девки спаивают продростверстку, нехай ночью мужики переколют их, спящих, вилами. Махно, щурясь, глядит на тяжелые волны Сиваша и выжидает западного ветра. Сами врангелевцы совершенно осатанели, и красные против них тоже: командуют «психические атаки» — и молча, волна за волной, по степи шагают навстречу, в полной тишине, без выстрелов, только снег трещит под ногами, но от этого кажется еще тише, пока не добе-

рутся до штыков. Деникин постукивает пальцами о перила на борту корабля, уже приближаясь к Англии, и в тот же момент огненнобородый барон Унгерн пинком ноги ломает патефон, найденный в покоях воплощенного Будды. Догоняя оренбургских казаков Дутова, красные углубляются в Китай и пристреливают его прямо в штабе, прочие разбегаются, но уйти им не дают: преследуют повсюду, загоняя в дальние ущелья Памира, в места, куда и местные ходят только летом, где не бывает людей, а одни полузвери. Там и произошел случай, о котором один красноармеец, уже бывший на пенсии в Москве, вспоминать не любил: как в снегу наткнулись на непонятного мохнатого человека и, не имея привычки выяснять, пристрелили, а мясо съели — зима 1920-го была особенно голодной.

Оборотень во френче

Дезинтеграция «Я» – естественное следствие тоталитарного давления. Человек постоянно сталкивается с мрачной стороной режима, с доносительством и убийствами, но одновременно вынуждается видеть одну светлую сторону, лишь всеобщее и нарастающее благоденствие. Чтобы выжить в одной, он вынужден искренне верить во вторую, быть счастливым – чтобы не оказаться растоптанным. Примирить «ночь» и «день» помогает расщепление психики, при котором одновременно, как в сознании маньяка, сосуществуют две стороны, допускающие и то, и другое. Чем выше положение на тоталитарной общественной лестнице, тем в большей степени сталкивается он с «ночной» стороной режима – и тем большей веры в «дневную» от него требуется. Вершины своей распад достигает в личности, венчающей пирамиду.

Так что ошибочно было бы, следом за многими исследователями, считать Сталина «великим режиссером» или столь же «великим актером». Как зорко подметил Лион Фейхтвангер, наблюдая знаменитые московские процессы 1937 года, «если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности». Слезы вождя над гробом Кирова были неподдельны, ведь то плакала его «дневная» личность, а приказ об убийстве отдавала вторая – «ночная».

Сталин вовсе не мастер миражей, погрузивший миллионы людей в атмосферу темного и золотого наваждения – он сам наваждение и мираж. В царстве его дневной личности народы ликуют, возносятся бело-золотые павильоны, гремят заводы и парады; ночью их сменяют интриги, расстрелы и обыски. В коммуналке всегда темно – в противоположность просторному и светлому простору московских проспектов.

В этом смысле интересно заметить, что с годами Сталин все больше переходил к ночному образу жизни. Многие руководители советского государства доходили до глубокого нервного истощения, вынужденные работать днем, чтобы управлять своими ведомствами, – а ночью в любую минуту ожидать высочайшего звонка или вызова. Вервольф побеждал, и с некоторого времени все важное решалось длинными ночами на сталинской Ближней даче, во время заседаний-застолий, полных зловещего шутовства.

И уж тем более неувидительны бесчисленные случаи его посмертного явления. Один редактор вспоминал, как уже после хрущевских разоблачений с коллегой вымарывал патетические упоминания имени Сталина из книг – после чего коллега погибла (несчастный случай), а у самого рассказчика с тех пор все пошло не так.

Встречи с замечательными людьми

Маэстро Гурджиев (которого, по словам М., необходимо называть, сводя губы, Гюрджиевым) глубоко поражал людей очень разных. Самый известный его ученик, Петр Демьянович Успенский был человеком умственным и скептическим, настроенным решительно «по-научному» и рационально.

В годы ученичества Успенского взволновали взгляды (ладно уж) Гюрджиева, его невероятная душевная сила, – но вздорный кавказский характер вызвал еще более глубокое возмущение. В конце концов, тот дистанцировался от Учителя, заслонился Английским проливом и основал собственную группу, где преподавал его Учение. Он отделил Систему и Работу от личности Учителя (собственно, он сам и выстроил более-менее стройную систему на основе довольно бес-связных и нелепых построений Гюрджиева) – и, сохранив ему свое-

образную благодарность, долгие годы самостоятельно воспитывал множество учеников.

Внутренний скептицизм тяжелыми веригами лежал на всех мистических упованиях Успенского, и постепенно он начал прикладываться к бутылочке. Близкий его ученик мистер Беннетт нередко соседствовал в долгих посиделках и как-то (после пяти бутылок кларета) испытал переживание выхода из физического тела – что, впрочем, немудрено. Однако сам Успенский в самых дальних и пыльных отсеках своей души всегда оставался глух и к собственными эзотерическим построениям, и даже к воздействию кларета.

Как и Гюрджиев, он считал брак серьезной помехой на Пути (метафора, заимствованная ими, видимо, от теософов) и всячески препятствовал подлинной близости между своими учениками и их супругами. В случае с Беннеттами это привело к тяжелым последствиям: разлученная с мужем миссис Уинифред Беннетт наложила на себя руки.

Ее спасли, но Успенский был потрясен, и, как только миссис Беннетт отпустили из больницы, пригласил ее жить в собственном «ашраме». Здесь она проводила тихие дни за рукоделием и пересказывала Успенскому то, что ей удалось пережить за те трое суток, что тело ее пребывало в коме. Штопая старые шторы, миссис Беннетт описывала золотые пропасти небес, ангельские шорохи и бесконечный, божественный океан света. Держа рюмку у самых губ, Успенский жадно слушал и переслушивал, всякий раз плача до кашля, до рева, – ибо ему самому небеса были недоступны по-прежнему – и, видимо, навсегда.

Над горою Алеша

Расположенный среди железнодорожных капилляров, ветвящихся между Челябинском и Свердловском, Кыштым был основан в уже тогда глухих краях заводчиком Никитой Никитовичем Демидовыми. Усадьба их и сегодня красуется на гербе города, загораживая бока Сугомака и Егозы, богатых рудой гор, восстающих над нею. Здесь впервые в России было налажено промышленное выделение цветных металлов методом электролиза – до сих пор ЗАО «Кыштымский медеэлектролиный завод» остается крупнейшим предприятием города,

поставляя в муниципальный бюджет около 75% сборов. Во дни Пугачевского бунта Кыштым значительное время оставался во власти восставших, атаманом над которыми был Иван Никифорович Грязнов.

Никакой природы в Кыштыме и окрестностях нет. Связано это не только с горным делом, но и с располагавшимся неподалеку предприятием «Маяк». Здесь создавался советский ядерный щит, советский ядерный меч и посох – здесь же, а в 1950-х из-за аварийных выбросов «с “Маяка”» город выдержал несколько радиоактивных атак. Городского голову Вячеслава Яковлевича Щекочихина можно тревожить в любой рабочий день, по номеру 3-26-13. Междугородный телефонный код Кыштыма – 35151, число, в полной сумме дающее шестерку, что соответствует стихии Земли.

В грозовую ночь 13 августа 1996 года жительница Кыштыма, старая старушка Тамара Всаильевна Просвирина получила телепатический приказ спешить на кладбище. Там она нашла маленькое, бесполое, но тем не менее вполне человекоподобное тело с огромными глазами, мутно выпиравшими на непропорционально развитой голове, похожей на бутон кожаных лепестков: «когда голову на затылок кладет, глаза будто проваливаются». Старушка старая принесла найденыша домой, назвала Алешенькой и пыталась выходить, кормя сгущенным молоком. Вскоре ее свезли в местную психиатрическую клинику, а покинутого Алешеньку занявшие квартиру родственники раздавили до смерти, сев на него по пьяной лавочке.

Тельце, по описаниям очевидцев, и при жизни не превышавшее в длину 40 см, стремительно обезводилось, превратившись в мумию, которую и запечатлели объективы следственной бригады. Это – одно из немногих дошедших до нас материальных свидетельств существования Алешеньки. В 2002 году специально снаряженная в Кыштым экспедиция сумела обнаружить элементы тканей в количествах, достаточных для проведения генетической экспертизы. Образцы были проанализированы летом 2004 года, под руководством заведующего Отделением экологической генетики Института общей генетики РАН профессора Владимира Андреевича Шевченко. В пятнах Алешенькиной крови были обнаружены фрагменты ДНК «человека с многочисленными отклонениями в развитии». Однако и сегодня различные уфологические общества и СМИ разных стран сулят за «мумию»

Алешеньки суммы в сотни тысяч долларов – и таможенная служба Челябинской области признала ее Национальным достоянием России, вывозу за границу не подлежащим. Активисты городской жизни Кыштыма собирают подписи на установление бронзового памятника: стоя над горою, Алешенька протягивает навстречу человечеству свои крохотные ручки, в жесте просительном и прощающем.

Цесаревич

Семя последнего государя оказалось слабым, вислым, как его усы, и в четвертый уже раз без следа растворилось в наследии Гессенской принцессы Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, по восшествии на Российский престол принявшей Православную веру, и вместе с ней – имя Александры Федоровны. Четвертая дочь подряд – такого удара не ожидала монархия, а значит, и вся империя не несла; династия не может без наследника, в такое-то время. Августейший дед, светлой памяти император Александр, закончил дни свои от рук бомбиста, да и на самого Николая покушались уж не единожды. Пожилой министр двора с остервенением жевал седой бакенбард.

Александра же Федоровна, дама и без того экзальтированная, склонная к гиперболизации и истероидным состояниям, впала в чернейшую из меланхолий. Дважды в день Бехтерев растирал ее онемевшие ноги, а фрейлины ублажали склонный к махровому мистицизму характер столоверчением, сеансами гипноза, визитами кликуш и блаженных всех мастей. Назревал военный конфликт с Японией, и Великие Князья состязались в мрачности шуток.

Тем же годом, вернувшись из тайной поездки в Вену, Царскосельский комендант Воейков с великой осторожностью доставил чемодан, тщательно запечатанный и для пущей надежности туго спеленатый плотной материей. Содержимое чемодана в присутствии лишь министра двора Фредерикса было продемонстрировано августейшей чете 10-го августа, а уже 12-го вся громадная империя ликовала. Нежданно родившегося цесаревича окрестили Алексеем.

Кормилицы и служанки, бабки и няньки были отобраны лично начальником тайной полиции, и все отличались воловьей преданностью и молчаливым нравом. Малокровие было признано удобным предло-

гом свести к должной строгости контакты наследника с остальным миром, и приставленный к нему дядька-матрос строго следил за всеми посещениями. Ежедневно отчет о состоянии младенца доставлялся лично императору, суеверно избегавшему появляться в его обществе, ограничиваясь нуждами этикета. Строго по расписанию «бэби» плакал и требовал груди, ровно в означенное в сопроводительных бумагах время засыпал и просыпался. Таинственный мастер Рейенсдорф ловко предусмотрел разумные девиации поведения: встроженный в деревянное тельце механизм иногда нарушал привычный ритм, будя нянек резким, чуть более резким чем следовало, криком.

Шли недели, и Николай выказывал все более нервности в отношении и самых бытовых дел, раздраженно накручивал усы на палец, собирал английскую бороду в кулак, будто напряжение лицевых волос могло ослабить тягость мысленную. Августейшие ссоры выливались за пределы дворца, обрывки их попадали в колонки дурных газетенки, ажитируя темные массы и вызывая толки самых нелепых свойств: «Полено! – грозился император неясно. – Отесанек! Топорная работа!!» – государыня рыдала и бросалась в ноженьки: «Разве не сам Бог послал нам его?!» – крик ее выплескивался в сад, и дворня замирала, прислушиваясь, так что Воейков лично принужден был подгонять их, обходя свои владенья.

На сем нервном фоне некто Бадмаев, называвший себя «доктором тибетской медицины», личность в высшей степени странная, посетил августейших супругов в Царском Селе. «Цесаревич должен стать живым мальчиком,» – это условие императора он обещал выполнить, и, получив необходимый задаток, удалился. В те дни царица молилась особенно усердно, в небольшой часовенке постоянно чадил фимиам. Ольга, Анастасия, Татьяна, Мария – Великие Княжны были оставлены ее вниманием, полностью поддавшимся страстной тяге к эзотерическому. Столоверчение усилилось.

Вернулся Бадмаев не один: следом за ним размашисто и неаккуратно, но вместе с тем по-кошачьи гибко двигался мужик дикарского вида. Грубая рубаха, босые каменные ноги, черные полумесяцы ногтей и угрюмо обвисавшее лицо вызвали смесь омерзения и боязливости и у царя, и у Александры Федоровны, а младенец закричал так истошно, что некоторые его детали перепутались, и придворному часовщику потребовалось порядочно времени для наведения порядка в золоче-

ном царственном механизме. Отрекомендованный Бадмаевым в качестве знатока еврейской каббалы, освоенной им за время посещения Святой Земли и Египта, мужик тоном самым оскорбительным выставил присутствующих вон, оставшись с куклой один на один.

Долгая, полная мук и метания ночь нежилась среди дорожек Царского, и даже необходимости военного времени не могли отвлечь Николая от происходившего в детской. Император поминутно отвлекался, прислушивался, забывал цифры, пропускал слова генералов, и вскоре, со свойственной ему учтивостью извинившись, покинул собрание. До рассвета он оставался в соседних с детской покоях, вместе с Александрой Федоровной чутко реагируя на каждое требование старца, по временам раздававшиеся из-за дверей. Так доставлены были ему семь склянок свежей девичьей крови, пергамент недурной выделки, а также тонкой мадеры бутылок до двадцати. Уже на рассвете утомленные нервическим ожиданием супруги уснули, и только верный дядька оставался у старца на посылках. Разбудил их детский плач.

Рыбы против рыб

Вот все, что известно. Художник Питер Брейгель Старший родился между 1525 и 1530 годами в Нидерландах, в деревушке Брейгель. В 1551 году был принят в Антверпенскую гильдию живописцев. В 1551-1553 годах побывал в Италии. В 1563 году женился и переехал в Брюссель. Рисовал пейзажи и забавные бытовые сцены из жизни крестьян, за что его прозывали «Мужицким» и «Шутником». Умер в 1569, оставив жену с тремя малолетками. Жена воспитала их как должно, и оба сына стали известными художниками: первого называли Питером Брейгелем Младшим, или Адским, второго – Яном Брейгелем Райским. Над могилой родителей Ян установил доску с надписью на латыни: «Питеру Брейгелю, художнику величайшего трудолюбия и великолепного мастерства, каковое славит сама природа – мать всего сущего, на каковое снизу вверх взирают опытейшие художники, а соперники тщетно подражают ему. А также Марии Кук, супруге его. Воздвигнул своим прекрасным родителям побуждаемый благочестивыми чувствами Ян Брейгель. А умерли: он в 1569 году, она в 1578 году». Сегодня осталось 45 картин и около 120 рисунков.

А еще художник Питер Брейгель рисовал людей среди чудовищ и чудовищ среди людей. Крылья, клювы, щупальца, рога, клыки, чешуя, когти, присоски, раковины, клешни, пасти – все кружится, мельтешит и мешается. Эти твари пародируют людей, хотя есть искус предположить, что все наоборот – люди пародируют тех странных существ, которые он изобразил. В 1557 году Брейгель написал этот рисунок.

«Большая рыба ест маленькую». Рисунок купил Иероним Кук, владелец граверной мастерской «На четырех ветрах». Чтобы обеспечить гравюре малоизвестного художника популярность, он подписал ее именем Иеронима Босха, так что подлинное авторство рисунка было установлено гораздо позднее.

Разумеется, это – притча. Маленькие фигурки людей громадным иззубренным ножом суетливо вспарывают брюхо большой рыбины. Пара рыбаков в лодке. Прочь от берега убегает рыба на ногах. Крылатые рыбы – в небе. Весьма густонаселенный рисунок отдается странным ощущением одиночества. Никак не взаимодействующие между собой разрозненные персонажи и группы лишь создают толпу, каждый в которой занимается делом неблагоприятным и отвратительным, и делает это сам по себе. Их частные жадности не пересекаются. Зато тела пересекаются в избытке, так что вся композиция предстает гнусной матрешкой: из рыбьих кишок, из обвислых толстых губ вываливаются рыбы поменьше, не успевшие даже проглотить до конца рыб еще более мелких, те – продолжают терзать свих жертв, и так далее. Взгляд большой рыбы полон непонимания, и в этом мы с ней похожи. Говорят, что художник Питер Брейгель Старший умер от печали, которая охватила его, когда он понял, сколь безнадежна жизнь. Та страстная печаль уже неизвестна нам. Наша страсть угрюма, и умирать мы не собираемся.

Свастика против Третьего рейха

В конце XIX века некий историк, граф д'Альвиелла, предложил теорию, согласно которой некоторые пары сакральных символов внутри одной культуры и исторической эпохи не могли использоваться одновременно. В соответствии с этой теорией, «альтернативными» были знаки, символизировавшие Солнце, высочайшую из божественных

жизненных сил. В их числе – вписанный в круг диагональный крест и свастика:

Классическая форма. По-гречески — tetraskelion, на латыни — crux gammata. Очень старая идеограмма: самые древние ее следы обнаруживаются в бывшей долине Тигра и Евфрата, на развалинах Трои и в Индии. Современное название идет от санскритского: su — «хороший», и asti — «быть», с суффиксом ka (su-asti-ka). Хотя принято считать, что ей около трех тысяч лет, весьма возможно, что в это время она лишь стала широко распространенной, а происходит из еще более древних времен. К примеру, такие каракули были найдены во множестве неолитических пещер.

Это, видимо, самая древняя форма символа. Задолго до Рождества Христова свастика уже обрела свой привычный вид и была известна в Китае, Индии и Японии. Здесь она тесно связана с первым Буддой, Сиддхартхой Гаутамой. Ранний китайский символизм присваивал свастике значение «превосходности», а в Японии ей нередко обозначали число 10 000. Свастика была чрезвычайно распространена в Хеттском царстве, и особенно в Древней Греции, являясь частым мотивом орнаментов и росписей. В центре Европы, а затем и на севере, свастику рисовали кельты, викинги. В Средние века знак во многом утратил свою популярность – уж слишком тесно он был связан с языческими культами Солнца. Впрочем, символ не забылся: немецкие алхимики звали его Hakenkreuz, англичане – fylfot. Картографы XIX и XX веков использовали свастику для обозначения электрических станций, а шведский завод ASEA, производивший электроприборы (сегодня это – промышленная корпорация ABB), сделал его частью своего логотипа.

Знак несет целый набор значений, связанных с силой, энергией, движением и природными циклами. Некоторые его вариации напрямую покровительствуют миграции племен и завоеванию новых земель. Существует и свастика с лучами, расходящимися в направлениях против часовой стрелки. Такая «обратная» свастика часто связывается с бедами и несчастьями, хотя в средневековой Японии она, наоборот, символизировала удачу и защищала от злых духов.

Впрочем, вернемся к теме. Уже в начале XX века такой знак взяло на вооружение антисемитское движение в Германии и Австрии, а в 1920 году он стал официальным символом Национал-социалистической рабочей партии Германии. Развернутая форма с утолщенными линиями стала соединением свастики с другим знаком – диагональным крестом, и, согласно официальной трактовке, объединила в себе несколько значений: угловатая свастика говорила о силе, а вращение по часовой стрелке символизировало вечное движение и возрождение нации.

Так что, возможно, Третий рейх был изначально обречен. Его адепты нарушили исторический закон графа д'Альвиеллы, смешав в одном знаке два альтернативных сакральных символа: диагональный крест и древнюю свастику.

Аналогии Похлебкина

«Когда Коран и хадис хранят молчание по поводу чего-либо, правила шариата составляются (...) с помощью квияз – аналогичных рассуждений». (Патрик Сукхдео)

Посвященная ему статья в Большой Советской Энциклопедии начинается так: «Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили) Иосиф Виссарионович [9(21).12. 1879, г. Гори, ныне Грузинская ССР, — 5.3.1953, Москва]». А в городке Гори хранится метрика, которая фиксирует: «1878 год. Родился 6 (прим. – 18 по н.с.) декабря, крестился 17-го, родители – жители Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и законная жена его Екатерина Георгиевна. Крестный отец – житель Гори крестьянин Цихитатришвили. Совершил таинство протоиерей Хахалов с причетником Квиникидзе». Свидетельства метрики вряд ли можно поставить под сомнение... куда же исчез целый год жизни?

Выданное летом 1894 года Иосифу Джугашвили свидетельство об окончании (с отличием) Горийского духовного училища также отмечает дату рождения, прописью – «шестой день месяца декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года». Ту же дату приводит находившееся в Санкт-Петербургской жандармерии дело Иосифа Джугашвили (он же Коба, он же Сталин, он же Рябой, он же Усатый Пахан, он

же Сосо, он же Большой Джо, он же Сухорукий). Она появляется и в справочных материалах Коминтерна. Двигаясь далее, находим, что в 1920 году, отвечая на вопросы шведской газеты *Folkets Dagblad Politiken*, Сталин указывает ту же дату, но уже в декабре 1922 года, когда Истпарт собирает подробные данные для анкет, личный помощник Сталина передает биографическую справку, в которой указан 1879 год рождения, и приписано: «Представленные биографические сведения – лично тов. Сталиным были просмотрены и им исправлены». С этого времени и надолго официальной датой рождения стала считаться именно указанная в архиве. Итак, год 1879, по всей видимости, окончательно вытесняет 1878 из сталинской биографии где-то между 1920-м и 1922-м.

В 1990 году сотрудники Общего отдела ЦК КПСС и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС И. Китаевым, Л. Мошковым и А. Черневым, в опубликованной в «Известиях» статье замечают: «К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют с достоверностью утверждать, сознательно ли И.В. Сталин изменил дату своего рождения, и если да, то с какой целью. Возможно, ответы на эти вопросы будут найдены позднее (если такие ответы вообще существуют)». Более дотошные исследователи все же предлагают некоторые версии, ради одной из которой мы и устроили весь этот сыр-бор.

Немного отвлечемся и вспомним один из самых часто употребляемых его псевдонимов – Коба. Вильям Похлебкин замечает, что если исходить из церковно-славянского происхождения, то имя Коба связано с «волховством», «предзнаменованием», «предсказателем». Если же настаивать на грузинском источнике имени, то Коба – грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса из династии Сассанидов, в V веке сыгравшего важную роль в истории Грузии. Византийский историк Феофан отзывается о Кобе, как о великом волшебнике. Кстати, большой интерес Сталина к мистицизму – вещь, практически не ставящаяся Похлебкиным под сомнение. Мистицизм здесь не понимается буквально, скорее это привитая матерью и семинарией уверенность в том, что все важные события увязываются в некую гармоническую и неслучайную структуру. В этом смысле мистицизм, магия чисел есть «общечеловеческий опыт», накопленный тысячелетиями осмыслений и обобщений – такой образ мыслей и приписывается Сталину. В такой системе измерений, разумеется, некоторым

числам придается дополнительный смысл— 33 («год совершения великих дел»), 10 («завершающий символ мирового порядка») и 12 («истинно народный счет»). Гармония числа 10, слагающегося из суммы первых четырех цифр, определяется самой природой, устроившей по пять пальцев на наших конечностях. Таким образом, число пять предстает важной вехой, сопровождающей всякое движение к совершенству, к десятке. Вспомним сталинские пятилетки, посмотрим на пятиконечную звезду — согласно грузино-персидскому мистицизму, пятерка имеет особое значение: она приносит счастье и удачу.

1912 год Сталин считал для себя «годом свершений» (33-летний Иосиф выходит в большую политику), и не кто иной, как он, через пять выступая лет с основным докладом на VI съезде, настаивает: «Вопрос о современном моменте, есть вопрос о судьбах нашей революции». В 1917 году, после удачного октябрьского переворота вера в «счастливую пятерку» окрепла, а в 1922 Сталин становится генеральным секретарем ЦК.

Теперь посчитаем в обратном порядке: в 1899 году двадцатилетнего Сталина исключают из семинарии, и он становится революционером. До этого, в 1894 году он оканчивает училище, а еще раньше, в 1889 он читает впервые вышедшего Руставели, который оказал на него сильнейшее влияние. В это время Иосифу десять лет. Так что становится очевидной мысль Сталина о том, что «истинный» год его рождения и должен быть 1879, до которого он «не дотянул» всего пары недель. Возможно, такое желание и двигало его рукой, когда он впервые записал: 1879.

«Пять тонов включались китайцами в универсальную пятичленную классификационную схему мира, соотносясь с пятью элементами, пятью планетами, пятью цветами, пятью этическими нормами» (И. Бурдонов). Продолжаем листать Похлебкина и, поражаясь еще более, обнаруживаем и такие цифры:

1924 — смерть Владимира Ленина. $1924 = 1912 + 12$.

1927 — разгром Льва Троцкого. Это, очевидно, снова «пятилетие».

1929 — пик коллективизации, так называемый «год великого перелома». Двенадцатилетие революции.

1937 — это и объяснять не нужно; кстати и двадцатилетний революционный юбилей.

1939 – подписание пакта с Гитлером, присоединение Карелии, Западной Украины и Белоруссии, открытие военных баз в Прибалтийских странах. И 60-летний юбилей вождя.

1942 – перелом в войне, Сталинградская битва. 1917 + 25.

1945 – победа. 66-летие Сталина (1879 + 66 = 1945).

И так далее, и так далее. «В книге говорится, что первичная цель состоит в выявлении аналогий, а уж вторичная — в поиске объяснений. А потом говорится, что найденные объяснения по определению являются научными» (У. Эко).

Умер Сталин пятого марта.

Квакеры против пуритан

В середине осени 1659 года под оглушающий бой барабанов на главной площади Бостона состоялась казнь. Хотя дул холодный ветер, трое приговоренных – юные Уильям Робинсон и Мармадюк Стивенсон, и между ними главная, женщина по имени Мэри Дайер – шли, распевая псалмы и расправив плечи.

Ведомые почти апостольским рвением, они многократно нарушали строгое запрещение не вести квакерскую проповедь в городе, пока терпение властей не исчерпалось. И для троих квакеров это был день триумфа. Громогласные барабаны должны были заглушить речь, с которой Мэри Дайер могла бы обратиться к публике, но слова, сказанные ею на эшафоте, сохранились.

Рослый судебный исполнитель, ненадолго заслонив палача, спросил Мэри Дайер, не стыдно ли ей идти на позорную публичную смерть, и та ответила: «Ныне час величайшей радости... Ничьему глазу не увидеть, ничьему уху не услышать, ничьему языку не изречь, ничьему сердцу не постичь благодати Господней, к которой я ныне приобщаюсь».

Через минуту взвизгнула веревка, и оба юноши затрепетали, как и полагается квакерам. Сегодня их назвали бы «квейкерами»: корень тот же, что и у любимой FPS-игры, quake – значит «трястись» или

«содрогаться». Но история Мэри Дайер оказалась более длинной и болезненной.

Пуританский губернатор Эндикотт был человек разумный и вовсе не хотел собственными руками надевать на проповедницу венец мученичества за веру. Это напоминает известную «отмененную в последний момент» казнь Достоевского. С головы Мэри Дайер сорвали мешок, освободили руки и – седую – выпроводили за пределы колонии. С этого начинается рассказ.

Не стоит думать, будто пуритане были слишком жестокими в соблюдении своей секты. По крайней мере, в те годы они оказались куда гибче квакеров, ригористичность которых, в конце концов, не дала им сыграть ту же роль в освоении Нового Света, что досталась пуританам.

И те, и другие бежали через океан от англиканской церкви, которая у них на родине не давала в полной мере и в должной чистоте жить по заветам своих основателей, а порой и преследовала довольно сурово. Пуритане оказались здесь лишь немногим ранее квакеров и основали первые колонии в Массачусетсе и Пенсильвании, на Род-Айленде и в Бостоне.

Легкой жизни, конечно, не нашлось, да и не ожидалось: это был бесприютный и пустынный край с промозглым климатом, окруженный враждебными индейцами. Но пуритане ценили упорный труд и мало-помалу брали свое, обустроивали существование на привычный английский манер, хотя с собственными «вариациями». В принципе, квакеры были им чужды, но отнюдь не ненавистны. Можно сказать, что пуритане хотели от них лишь одного: чтобы те оставили их в покое.

Как раз этого квакеры сделать не могли. Сам настрой их первоучителей, их идей, их веры был миссионерским и жертвенным. Их цель была не «очиститься», но «сотрясти» все своды христианского мира. И лучше всего – при этом пострадать и погибнуть во славу Господа.

Прибывая в Новый Свет, квакеры селились в пуританских общинах, многие из которых вполне терпимо относились к их манерам и про-

поведям. Таким был, к примеру, Род Айленд – тут они не уживались, и быстро перемещались к городам, где их учение старались ограничить, а впоследствии – и вовсе запретить.

Обычным людям, которым чужда психология самопожертвования, нам это понять трудно, но именно страдание и гибельная перспектива влекли их неодолимо. И чем больше раздражались пуританские колонисты, чем более жестко ограничивали деятельность квакеров – тем решительней разгорался в их сердцах «пламень неуголимый». Их высылали в дикие области, сажали в тюрьмы и бичевали, но они приходили все новыми силами, исполняясь фанатической одержимости либо донести свои идеи, либо погибнуть за них.

Теперь мы немного понимаем, кто такая Мэри Дайер, и что с нею случилось в конце октября 1659 года. Она поднялась на порог дворца, когда ее взашей вытолкнул на улицу невежественный привратник. Ухватилась рукой за смертельную вершину и уже почувствовала некое содрогание, но пальцы скользнули по камню – и она ухнула в пропасть жизни.

Как и где Мэри Дайер провела следующие месяцы, хроники не говорят. Не знаем и мы, но можем представить, и на этом прожитом ею последнем времени водружается неравновесная кульминация рассказа. Хотя слово с корнем «жить» здесь неподходяще. Душа ее почти отлетела еще осенью, и всю зиму только мизинцем цеплялась за слабое тело. Весной женщина снова появилась в Бостоне, оборванная и одичавшая, ожидая лишь одного. Власти оказали ей должную милость: 21 мая 1660 года Мэри Дайер была повешена вторично и окончательно. Морщины на ее лице расправились, губы распрямились, и даже волосы расчесала чья-то утешительная рука.

Чувствительный фальшивомонетчик

Водителя ставропольского крайкома партии Витю Баранова никто не принимал всерьез. Да и понятно, ведь он был человеком с чудаческой и даже комедийной славой одержимого изобретателя-самоучки. Покуда все культурные люди отдыхали, Витек запирался в сарайчике и чертил, конструировал, ваял – то одноколесный автомобиль, то водяную пушку для горных работ, а то – какой-то раскладной ящик для

стеклотары. Ни одно из его предложений не нашло ни признания, ни хотя бы понимания, и даже ответы из патентного комитета приходили все с синей отметкой: отказать.

Самолюбие, понятно, страдало, – но страсть только усиливалась, и в один прекрасный день Витя решился на невероятное: изготовить советские деньги, полностью повторив технологический процесс фабрики Гознак.

Дело оказалось тяжким и кропотливым; все важные технологии строго засекречены, а особый способ Орловской печати, позволяющий добиться тончайшего перехода цветов, остается государственной тайной еще со времен Александра III. Ночами напролет Витя пропадал в сарайчике, по выходным рылся в библиотеках – искал рецепты, смешивал реагенты, учился травить медные клише, погружался в волокнистую структуру бумаги...

Он освоил десяток полиграфических профессий, от травёра до печатника, изучил с толстой лупой, обнаружил и повторил больше тысячи защитных элементов 50-рублевой купюры выпуска 1961 года. Почти четыре года ушли на поиски метода нанесения водяных знаков – но он был талантлив и настойчив; через 12 тяжелых лет шедевр состоялся.

Это даже не было подделкой. Это были абсолютно настоящие банковские билеты, кредитное обязательство государства стоимостью 50 рублей, правда, напечатанные не на глубоко секретном предприятии, а в заветном обветшалом сарайчике. Банкноты были совершенно неотличимы от оригинала, с водяными знаками, с тончайшей градацией цветов, с узорчатым рисунком микропечати, чуть маслянистые на ощупь... кроме одной детали.

Если взять такую купюру в щепотку и глянуть на просвет, то проступал водяной знак – узнаваемый каждым ленинский профиль – да только Владимир Ильич на ней был изображен совсем юным и полным задора Володей Ульяновым. «Просто такая ассоциация, — говорил Витя на допросах, — Октябрь... “Ленин такой молодой”»...

Суд был милостив: невероятные возможности для обогащения Витя Баранов никак не использовал, и вместо вполне принятой для подобных преступлений высшей меры отсидел чуть больше десятка лет. Сегодня он, человек уже изрядно пожилой, продолжает творить и обещает нам вскоре чудесную краску для стен. С цитрусовым ароматом.